

А. И. БОГДАНОВИЧ

Критические заметки

Последние произведения г-на Чехова: "Человек в футляре", "Крыжовник", "Любовь". -- Пессимизм автора. -- Безысходно-мрачное настроение рассказов. -- Субъективизм, преобладающий в них

Каждое новое произведение г-на Чехова вызывает живейший интерес, и не потому что изящная литература последнего времени оскудела талантами, перестала привлекать читателя однообразием или скудостью содержания, измельчала или ударилась в исключительные крайности декадентства или символистики. Ничуть не бывало. Если сравнивать нашу родную беллетристику с иностранной, право, мы вовсе не так уж обижены судьбой. На Западе выступают две-три крупные звезды, вроде Золя во Франции, Гауптмана в Германии, Ибсена в норвежской литературе, около которых группируются несколько меньших светил, а затем расстилается обширное поле дарований, приближающихся к посредственности, мелких метеоров, блистающих на мгновение, чтобы исчезнуть бесследно. У нас, при всей ограниченности пределов доступного литературе, при всей затрудненности проникновения новых веяний жизни в журналистику, при всей минорности тона, в котором -- хочешь не хочешь -- приходится говорить и живописать, что в общем не может не отражаться самым тяжким образом на содержании и жизненности беллетристики, -- не теряют силы старшие по времени таланты, каковы гг. Потапенко, Станюкович, Мамин-Сибиряк, Боборыкин, Короленко, и наряду с ними каждый день выдвигает все новых и новых, о чем ярко свидетельствуют наши серьезные журналы, в каждой книжке которых вы встречаете новое имя. В этом отношении особенно велики заслуги "Русского богатства", на страницах которого, если даже взять две-три последних книжки журнала, можно найти ряд новых писателей, отличающихся несомненно искрой таланта, вдумчивостью и оригинальностью. Таковы, например, за последнее время напечатанные в этом журнале произведения -- г-на Булыгина "Ночные тени", г-на Александровского превосходные очерки, полные юмора и теплоты, г-на Кузьменка "Жизнь". Отдельные издания рассказов наших несомненно ярких писателей, как г. Горький, или затрагивающих серьезнейшие вопросы современности, как "Очерки и рассказы" г-на Вересаева, новые якутские рассказы г-на Серошевского ("В сетях"), -- разве все это, взятое в целом, не говорит о неумолчном биении "живой" силы в беллетристике, -- силы, далекой от оскудения и слабости, от декадентских кривляний и жалких попыток к символизму, вымученной манерности и ломания, в значительной степени характеризующих литературу Запада за последнее время?

И, тем не менее, интерес к произведениям г-на Чехова нельзя даже сравнить с тем отношением, какое высказывается к другим авторам. Причина этого лежит не только в том, что пред нами первоклассный новеллист, не имеющий себе равного, пожалуй, даже и на Западе, где за смертью Ги де Мопассана это место осталось вакантным. Есть что-то в последних произведениях г-на Чехова, что усугубляет их содержание, быть может, помимо воли самого автора, придает им какую-то терпкость и остроту, волнует и причиняет острую боль читателю. Читатели, конечно, помнят его "Мужиков" и "Моя жизнь", из-за которых столько копий ломалось в свое время, что одно уже указывает на их выдающееся общественное значение. Но его последние три рассказа, появившиеся в летних книжках "Русской мысли", не менее глубоки, жгучи и значительны.

"Человек в футляре" -- лучший из них и самый значительный по содержательности темы и типичности выхваченного из жизни явления. Кому не знаком этот жалкий, ничтожный, плюгавенький и в то же время страшный "человек в футляре", для которого жизнь свелась к отрицанию жизни? Он, как кошмар, давит все живое, сдерживает проявление всякого общественного, альтруистического движения своим мертвящим припевом -- "как бы чего не вышло". Эта ходячая пародия на человека изображена автором с поразительным совершенством, что при необычайной естественности и простоте, с какою написан весь рассказ, делает эту фигуру почти трагическою. Рассказ ведется от первого лица. Учитель гимназии Буркин рассказывает про своего товарища, недавно умершего учителя греческого языка Беликова.

"Он был замечателен тем, -- говорит Буркин, -- что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком, и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик и него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда он вынимал перочинный ножик, чтобы очинить карандаш, то и нож